18+

Дмитрий Аккерман

Юми

Дмитрий Аккерман

Юми. Авантюрная история для взрослых. Второе издание

«Издательские решения»

Аккерман Д.

Юми. Авантюрная история для взрослых. Второе издание /
Д. Аккерман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833634-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Далекая, таинственная Япония. Самураи, ниндзя, Якудза, даосские практики…Это все сказки.За кулисами Страны восходящего солнца кроются совсем другие тайны.О них — приключенческий роман Дмитрия Аккермана.Сюжет основан на реальных событиях.Имена некоторых персонажей изменены для их безопасности.Издание второе, в редакции от 2019 года.

ISBN 978-5-44-833634-8

© Аккерман Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Июнь 1945 года, где-то в предгорьях Хингана 6
Часть 1. Северная страна 9
Глава 1. 1977 год, где-то в Японии. Токио, округ Нэрима 9
Глава 2. 1977 год, где-то в Японии. Кобе, округ Сума 10
Глава 3. 1977 год, где-то в Сингапуре, округ Ни-Сунь-Саут 12
Глава 4. 1977 год, где-то в Японии. Киото, округ Нисикё 14
Глава 5. 1978 год, где-то в Японии. Токио, префектура Кокубундзи 15
Глава 6. 1978 год, где-то в СССР. Улан-Удэ 17
Глава 7. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 18
Глава 8. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 19
Глава 9. 1978 год, где-то в СССР, Москва, Лубянская площадь 21
Глава 10. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 23
Глава 11. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск, улица Литвинова 25
Глава 12. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 26
Глава 13. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 28
Глава 14. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск, улица Литвинова 29
Глава 15. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 31
Глава 16. 1978 год, где-то в Японии. Киото, округ Нисикё 33
Глава 17. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 34
Глава 18. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 36
Глава 19. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 38
Глава 20. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 40
Глава 21. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск, улица Литвинова 42
Глава 22. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 43
Глава 23. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск 45
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Юми
Авантюрная история для взрослых. Второе издание

Дмитрий Аккерман

«У тебя нет друзей в этом мире»
Джироламо Савонарола

Дизайнер обложки Наталья Шапарова

© Дмитрий Аккерман, 2019
© Наталья Шапарова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4483-3634-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Июнь 1945 года, где-то в предгорьях Хингана

Обманчивую военную тишину нарушал только стрекот кузнечиков. Здесь, в степных предгорьях, их было неисчислимое множество.

Лейтенант Красноштанов лежал на спине и разглядывал пронзительно синее небо. Формально он был в боевом выходе, но за последнюю неделю ни одного живого японца им так и не попалось. По этой причине вся его группа в составе еще восьми бойцов точно так же безмятежно расположилась рядом в позиции «лежа на спине».

Лейтенант понимал, что такое безделье расхолаживает бойцов. Но война катилась к своему неутешительному для японцев финалу, и мыслями все давно уже были дома. Дома был и он – уже не лейтенант, а простой иркутский учитель.

Сейчас, через четыре года войны, пройденной им от звонка до звонка, он понимал, что учил детей совсем не так и не совсем тому. И ему до смерти хотелось взять в руки мел, подойти к доске и рассказать им, как на самом деле надо жить.

Какой-то отдаленный звук нарушил тишину. Лейтенант приподнялся на локтях, прислушался. Тренированные бойцы тут же бесшумно вскочили, схватив оружие, и рассредоточились по периметру.

– Иван? – позвал лейтенант.

– Да, слышу, – отозвался его земляк. – Вроде двигатели. Наверное, наши.

– Там? – лейтенант махнул рукой в сторону скрытой кустарником балки километрах в двух от них.

– Да.

– Идем.

За многие месяцы совместных действий они в совершенстве отработали тактику разведки. Бойцам даже не нужно было ничего командовать – он просто показал им рукой направление. Спустя мгновение никого не было видно – только ветки кустарника чуточку шелохнулись, выдавая бесшумно двигающихся разведчиков. Примятая ими трава распрямилась, и даже зоркий глаз такого же разведчика, как они, не смог бы определить, что здесь только что отдыхал советский разведвзвод.

Звук приближался. Он был приглушенным, как будто в уши натолкали ваты, но вскоре стало понятно, что едет целая колонна техники. Лейтенант короткими перебежками приблизился к краю балки и, оказавшись на открытом пространстве, упал в траву.

Он ошибся. Звук шел не со стороны балки, а из распадка между двумя сопками, намного правее того места, где находился его взвод. До колонны было километров пять – именно поэтому звук и казался таким глухим. Причудливым образом отражаясь от неровностей рельефа, гул моторов создавал иллюзию того, что враг находится прямо перед ними.

Лейтенант посмотрел в бинокль. Да, это был именно враг. Впереди шли два средних танка Чи-Ха, за ним два бронеавтомобиля, в кузовах которых явственно различались характерные японские кепи. Затем следовали четыре больших грузовика. Замыкали колонну еще два танка – на этот раз легкие Ха-Го.

«Серьезно», – присвистнул лейтенант. В другое время его действия были бы совсем иными – он был разведчиком, а не обычным солдатом. Но сейчас, в июне 1945 года, япошек никто всерьез как противника не воспринимал – хотя ужасов об их обращении с пленными он наслушался сверх всякой меры. Однако сил его взвода для борьбы с такой колонной не хватило бы в любом варианте – танки в этом раскладе были лишними.

Он поднял руку, посвистел и показал два пальца. Минут через десять-пятнадцать колонна должна была втянуться в балку, и времени было совсем мало.

Шурша травой, к нему подполз узбек Рома. Как самому безотказному во взводе, ему вечно доставалось таскать громоздкую радиостанцию «Север».

– Давай, – скомандовал Красноштанов. Рома расчехлил рацию, раскрутил антенну с привязным к концу грузиком и закинул ее на куст. Лейтенант привычно щелкнул тумблером.

– Роза, Роза, я Астра-семь. Прием.

– Астра-семь, я Роза, на связи, – отозвалось в наушниках.

– Роза, квадрат сорок три, колонна десять единиц, броня. Прошу поддержки с воздуха. Срочно.

– Астра-семь, понял, квадрат сорок три. Принято. До связи.

Он снял наушники, бросил на землю. До конца боя будет не до рации. В том числе и радисту Роме.

Лейтенант жестами показал всем рассредоточиться по краю балки, на расстоянии метров сорока друг от друга. Старшина с MG-42 пристроился между двух расположенных рядом кустов – это была лучшая позиция для этого места.

Сам лейтенант расположился неподалеку от него. Пулемет имел наиважнейшее значение в подобных атаках, и если бы старшину убили, медлить со сменой пулеметчика было нельзя. Лежать без укрытия посреди травы было крайне неуютно. Лейтенант вытащил запасные магазины к своему МР-40, разложил перед собой. Не очень густо – всего шесть запасных. И четыре гранаты.

Колонна приближалась. «А что, интересно, везут?» – размышлял Красноштанов. «Если снаряды – то из мг-шки засадить, и вполне может сдетонировать. Да так, что там ад будет.»

Танки уже втянулись в балку, выстроившись цугом. Балка была узкой, по ее дну едва виднелись следы старой дороги. Лейтенант помахал старшине, показал на пальцах пять и шесть – в надежде, что в грузовиках все-таки снаряды. Помощь, похоже, опаздывала.

Передний танк поравнялся с ними. Лейтенант пристроил МР, прицелился по солдатам, сидящим в бронеавтомобилях. «Эх миномет бы», – мелькнула запоздалая мысль. Он всем телом чувствовал, в каком напряжении находятся все его бойцы, ожидающие его первого выстрела.

«Ну что, пора», – подумал он. Аккуратно дернул затвор, положил палец на спусковой крючок. И услышал ровный гул моторов слева.

Тройка Ил-2 заходила на небольшой высоте со стороны солнца. Японцы, судя по всему, их не видели – солнце било им в глаза. Лейтенант, наоборот, видел их очень хорошо.

«Сейчас всю славу летуны заберут», – беззлобно подумал он и нажал спусковой крючок. Как обычно, он бил короткими очередями, в три-четыре патрона, каждый раз находя новую цель. Он видел, как повалились несколько солдат в кузове бронеавтомобиля, как брезент грузовика распорола очередь из MG.

Дальнейший бой виделся отрывками, как в плохом кино. Вот, шипя, срываются с направляющих эрэсы, и взрывом подбрасывает один из танков. Вот очереди его солдат косят разбегающихся японцев. Вот выстрелы из ШКАСов разрывают кабины грузовиков…

Самолеты пролетели над колонной, выбивая все живое, и ушли за сопку. Два уцелевших танка беспомощно крутили башнями, не видя врага. Какой-то японец стрелял в небо из «Арисаки», вокруг него вскипали фонтанчики песка от пуль, но в цель никак не могли попасть. Один из грузовиков медленно накренился, из разорванного тента посыпались бумаги и коробки.

Самолеты развернулись и снова пошли в атаку. Замыкающие колонну легкие танки оказались беспомощны перед эрэсами – их уничтожили за несколько секунд, подлетев почти вплотную. Еще грохот нескольких выстрелов – и самолеты исчезли, оставив после себя вонь сгоревшего топлива и порохового дыма. Мгновенно наступила совершенно гробовая тишина.

В балке, мгновенно превратившейся в ад, не было никакого движения. Лейтенант свистнул, со всех сторон ему отозвались такие же свистки.

– Потери? – уже не скрываясь, крикнул он. В ответ ему было молчание.

– Идем, посмотрим. Рассредоточились. Старшина, на месте, держи контроль.

Он поднялся и пошел вниз, зорко поглядывая перед собой. Японцам терять было нечего – брать в плен их не было никакого смысла.

Впереди что-то пошевелилось, вверх взметнулась рука. – Тасуке! – раздался хрип. Просьбу оборвала короткая очередь. Больше живых не было.

Лейтенант подошел к единственному не загоревшемуся грузовику – тому самому, который завалился на бок. Из кабины свисал японец с наполовину снесенным черепом. Острым краем изуродованной дверцы ему распороло живот, и на песок, пульсируя, медленно сползали фиолетовые кишки.

Лейтенант осторожно обошел труп и остановился перед развороченным взрывом стальным ящиком. Внутри виднелась расщепленная древесина какого-то густо-красного цвета. Он поддел носком сапога дверцу ящика – она, лязгнув, упала на песок.

В стальном корпусе лежал поврежденный взрывом еще один, деревянный ящик, покрытый странной вязью. Лейтенант попробовал открыть расщепленную дверцу – она не поддавалась. Тогда он подцепил замок штык-ножом – жалобно скрипнув, дверца открылась.

Внутри лежало что-то – он сразу не понял даже что это. Нагнулся, взял в руки. Это была небольшая кожаная шкатулка, украшенная все той же вязью.

– Лейтенант, – окликнули его сзади. «Потом разберусь», – подумал он, развязывая на ходу вещмешок и бросая шкатулку туда.

Часть 1. Северная страна

Глава 1. 1977 год, где-то в Японии. Токио, округ Нэрима

В дверь кабинета раздался осторожный стук. Генерал Кёкатсуна оторвался от лежащего перед ним документа и нажал кнопку. Кто не имел права входить в кабинет начальника штаба разведки Управления национальной обороны Японии – тот не смог бы дойти и до этой двери.

– Кёкатсуна-сан, у меня есть очень странная новость, – не здороваясь, с коротким поклоном сообщил недавно приближенный им к себе крайне способный аналитик Синпуру-сан. Здесь, в высших эшелонах японской разведки, традиционные церемонии не приветствовались.

Генерал приподнял брови. Аналитик положил перед ним газету. Рядом лег листок с переводом.

– Хм. Русская детская газета? – с сомнением посмотрел он на аналитика. Тот молчал. Генерал пробежал глазами перевод – он неплохо читал по-русски, но не хотел терять времени. Текст ему ничего не дал. Однако понапрасну аналитик не стал бы его беспокоить, и генералу не хотелось демонстрировать тому свою некомпетентность, задавая глупые вопросы.

Он присмотрелся к фото. Обычная девчонка держала в руках русский парадный армейский китель времен войны, на котором не было свободного места от наград. Качество фото было отвратительным, как всегда в русских газетах, но три ордена Славы он рассмотрел. Обладатель кителя наверняка был достойным солдатом.

Он по-прежнему не понимал, с какой целью аналитик принес ему эту газетку. Синпуру-сан, однако, допустил на своем лице весьма довольную улыбку – к счастью для него, это не было улыбкой превосходства над генералом.

– Вот это фото в увеличенном размере. Наши специалисты постарались улучшить качество, – аналитик положил на стол еще один отпечаток. Генерал внимательно посмотрел на девочку, китель с наградами, затем его профессиональный взгляд упал на комод, видневшийся в правом верхнем углу. Его глаза изумленно округлились.

– Да, – коротко сказал аналитик и положил перед ним еще один машинописный лист. – Владелец кителя, Николай Красноштанов, закончил войну в предгорьях Хингана. Был ранен, в настоящее время проживает в Иркутске.

Генерал схватился за голову. Аналитик постоял еще минуту, потом расценил молчание как приказ выметаться. Дверь тихо закрылась за ним. Генерал подумал и поднял телефонную трубку. Минуту помедлил, потом осторожно положил трубку. Сложил документы в папку, папку убрал в свой портфель. В кабинете повисла гробовая тишина, буквально пронизанная напряжением его мыслей.

Наконец Кёкатсуна-сан открыл сейф, вынул из своего портмоне ключ и распахнул дверцу внутреннего отделения. Достал бумажный пакет, извлек из него несколько пожелтевших, явно старых фотоснимков. На одном из них была изображена шкатулка с резной вязью. Шкатулку держал в руках молодой человек в богатом одеянии. При некотором старании в нем можно было обнаружить черты будущего императора Хирохито.

На второй фотографии шкатулка стояла на столе. Она была раскрыта, и был виден лежащий в ней камень яйцевидной формы. От камня шел свет.

На третьем снимке император стоял на коленях, в протянутых руках у него был камень. Губы императора замерли в какой-то фразе.

Генерал снова сел за стол, поднял трубку черного телефона без номерного диска. Дождался короткого вопроса, помедлил, потом сказал:

– Мы нашли его. Россия.

Глава 2. 1977 год, где-то в Японии. Кобе, округ Сума

Хидои-сан был удивлен.

Многим непосвященным казалось, что удивить эту неуклюжую с виду тушу, более всего напоминающую отдыхающего гиппопотама, невозможно ничем. Они ошибались – Хидои-сан был гибким, проворным, эмоциональным и весьма утонченным человеком.

Тяжелая жизнь, действительно, отучила его удивляться многим вещам. Но сейчас его удивление было безмерным. Встреча, которая ему предстояла, происходила впервые за всю многовековую историю Якудзы.

Сначала он подумал, что его разыгрывают. У человека, который решился бы на это, не было ни одного шанса дожить до утра, сохранив в целости свою физическую оболочку. Затем, по здравому размышлению, он решил, что это тонкая игра полиции.

Однако его собственная разведка в течение суток выяснила, что все верно: с ним действительно хотел приватно встретиться на нейтральной территории руководитель штаба разведки Управления национальной обороны. Лично. И вот тогда Хидои-сан сильно удивился.

На всякий случай местом для встречи он избрал яхту очень богатого человека, о долге которого Якудзе знал только хозяин судна и сам Хидои-сан. Яхта дрейфовала в нескольких километрах от входа в Токийский залив, и атаковать ее было весьма затруднительно – разве что с подводной лодки. Впрочем, мощные гидролокаторы, стоявшие на всякий случай, исключали и эту возможность.

Генерал был в штатском. Он прибыл один, чем несказанно удивил главу Якудзы. Его самого сопровождал Рава-сан, пара десятков самых бесстрашных и опытных головорезов прятались по уголкам яхты. Внешне условия встречи были, однако, соблюдены – на палубе были они втроем.

Генерала привезли в закрытом катере. Хидои-сан с любопытством наблюдал, как по-европейски мощная фигура поднимается по трапу. Если верить генералу, ни одна душа на свете не знала, что он здесь. Хидои-сан не привык верить никому и ничему, но его забавляла мысль, что он легко мог отправить столь могущественного человека на корм акулам.

Впрочем, такие мысли не мешали ему изображать радушного хозяина. Теплый саке был разлит в чашечки, чайник с чаем дымился на краю стола. Они обменялись европейским рукопожатием.

Ритуал требовал полчаса поговорить о посторонних вещах, но они оба знали ничтожную цену ритуалам. Как и жизни в целом. Поэтому генерал с ходу огорошил Хидои-сан крайне грубым заявлением:

– Вы должны понимать, Хидои-сан, что в случае, если вы хоть чуточку не доверяете вашему спутнику, после нашего разговора вам придется его убить.

Как правило, после таких откровенных слов любой собеседник Хидои-сан жил ровно столько, сколько требовалось, чтобы поднять руку и дать знак головорезам. Но ввиду особой важности переговоров Хидои-сан стерпел.

– Если будет нужно – я убью даже вас, – вежливо ответил он.

Генерал вполне удовлетворился ответом. Он достал из папки фотографию и протянул ее Хидои-сан.

– Вам нужна эта девочка? – не скрывая улыбки, спросил Хидои-сан. – Могу доставить вам сотню таких же.

– Нет. Мне нужна шкатулка за ее спиной.

Хидои-сан помолчал. Затем, не прекращая мыслительного процесса, иронично спросил:

– И что же, ваша м-м-м… фирма не может достать какую-то шкатулку?

– Может. Но эта шкатулка находится в России. И…

Хидои-сан минуту подумал, потом кивнул. Если бы людей генерала поймали, крупного международного скандала было не избежать. Он сделал безразличное лицо и протянул фото назад.

Генерал понял безмолвный вопрос.

– Пятьсот. Миллионов. Долларов, – делая паузы между словами, сказал он.

Лицо Хидои-сан оставалось бесстрастным.

– Вам лично. На счет в США. Плюс паспорт любой страны. И гражданство любой страны. Только вам. Ваша м-м-м… организация… нас не интересует.

Повисло молчание. Хидои-сан думал. Он получил достаточно информации, чтобы не задавать лишних вопросов. Минуты тикали. Все присутствующие молчали. Наконец по короткому кивку главы Якудзы стало понятно, что решение принято.

Хидои-сан повернул голову в сторону стоявшего рядом Рава-сан. Тот кивнул.

– Юми? – спросил Хидои-сан.

– Да, – ответил Рава-сан.

– Это та женщина, которая в Гонконге… – начал фразу генерал. Тут Хидои-сан изумился настолько сильно, что даже не счел нужным это скрывать.

– Откуда…

– Мы знаем только то, что это была женщина. И что она была вашей. Очень… опытный агент, – поспешно ответил генерал.

Наступило гробовое молчание. Оба переваривали то, что услышали последние несколько мгновений.

– Какие гарантии? – наконец спросил Хидои-сан.

– А у меня? – спросил в ответ генерал.

– У нас несколько разное положение, не находите? – язвительно осведомился Хидои-сан.

– Мы переведем деньги на счет этой вашей Юми. Вас запишем ее наследником. На то имя, которое вы мне скажете сейчас. Документы положим в банковскую ячейку в банке в США. Ключ будет у вас. Код ячейки вы узнаете, когда привезете шкатулку.

Хидои-сан промолчал, обдумывая предложение.

– Вы же не собираетесь после этого оставлять женщину в живых? – уточнил генерал.

Глава 3. 1977 год, где-то в Сингапуре, округ Ни-Сунь-Саут

Банкир Пу-чанг оторвался от скрученной в трубочку стодолларовой банкноты. Кокаин, гигантскую дорожку которого он только что всосал, привычно ударил в мозг.

Он бросил банкноту на пол и хлопнул в ладоши. Дверь осторожно приоткрылась.

– Давай, – махнул рукой банкир.

В комнату втолкнули одетую в короткое ситцевое платье девочку. Дверь захлопнулась. Пу-чанг оценивающе осмотрел начавшую округляться фигуру ребенка.

– Подойди, – сказал он по тагальски. Девочка замерла. Было видно, что ее трясет от страха.

Банкир рассмеялся. Он подошел к девочке, провел рукой по ее плечу. Ощутил дрожь, довольно улыбнулся.

– Не бойся. Ничего плохого тебе не сделают.

Девочка кивнула и задрожала еще сильнее.

– Сколько тебе?

– Тринадцать лет, – дрожащими губами ответила она по-бутуански.

– Отлично, – банкир плотоядно потер маленькие руки. – Ты девственница?

Девочка порозовела, на глазах ее появились слезы. Она кивнула.

Пу-чанг почесал свою промежность, потянул за пояс. Халат на нем распахнулся, открыв поросший редкой шерстью живот. Девочка присела и заплакала, в ужасе глядя на обнаженного мужчину.

– Сейчас, сейчас… – проговорил банкир, рассматривая ее рельефно выступающую грудь. – Ну-ка, встань.

Девочка неохотно встала. Он обхватил ее поперек тела, приподнял. Она забилась в его руках.

– Как мне нравится это, – сказал Пу-чанг, бросая ее на кровать. Девочка зажмурилась, закрыла руками лицо. Он рванул на ней платье – оно не поддалось.

– Я сама, – сквозь слезы сказала девочка. Она села, стягивая через голову платье. Плотоядному взгляду банкира предстали трогательные трусики с нарисованными цветочками.

– Ой-хо! – радостно завопил Пу-чанг, бросая ее навзничь и разрывая трусики. Рукава халата стесняли его действия, и он поспешил освободился от остатков одежды. Девственно-гладкий лобок возбудил его. Он схватил ее за промежность, с урчанием впился зубами в торчащий сосок девочки. На мгновение он подумал, что грудь ее не так уж и мала для такого возраста, и даже…

Она громко завизжала, одновременно сделав неуловимое резкое движение рукой. Банкир хрюкнул и уткнулся лицом ей в грудь. Не переставая кричать, девочка выскользнула из-под массивного тела.

Ее крики переросли в протяжные стоны. На ходу натягивая платье, она подскочила к столу, попробовала выдвинуть верхний ящик. Он не поддавался. Девочка засунула пальцы за резинку белого носка, вытащила оттуда упругую проволочку. Несколькими уверенными движениями согнула ее, наклонилась к замочной скважине. Через минуту замок тихо щелкнул. Она снова издала крик отчаяния, выдвинула ящик стола, быстро пробежала глазами его содержимое. Достала блокнот, раскрыла, удовлетворенно кивнула. Закрыла ящик, снова поколдовала над замком.

На достигнутом она, однако, не остановилась. Подойдя к банкиру, она осмотрела его тело. Аккуратно сняла один из перстней, поднесла к лампе, всмотрелась в тусклый блеск платины. Подняла подол платья, засунула в пришитый изнутри карман блокнот и перстень.

Не прекращая стонать, взяла со стола «паркер». Осмотрела его кончик, кивнула. Замолчала, подошла к двери, прислушалась. Потом, наклонив голову, толкнула дверь.

Охранник, стоявший за дверью, удивленно посмотрел на нее, но сказать ничего не успел. Острие ручки вонзилось ему в трахею, одновременно с этим девочка нанесла удар ногой в солнечное сплетение. Охранник, по своему весу раза в три превосходящий девочку, как подкошенный рухнул на пол. Выдернув «паркер», девочка взвилась в воздух и в полете нанесла удар ступней по горлу ногой второму охраннику, изумленно взирающему на происходящее. «Паркер» вонзился ему в глаз. Охранник схватился руками за лицо и забился в судорогах.

Девочка остановилась, прислушалась. Вернулась к первому охраннику, резко повернула его голову вбок. Раздался тошнотворный хруст, извивающееся тело застыло.

Девочка провела пальцем по его шее, помазала кровью внутреннюю часть своих бедер. Затем натерла щеки, несколько раз ударила себя по лицу. Послюнила палец, размазала тушь под глазами. И направилась к выходу.

Глава 4. 1977 год, где-то в Японии. Киото, округ Нисикё

Хидои-сан лежал в огромной ванне. Его огромное обнаженное тело плавало, как поплавок. Периодически он окунался с головой и отфыркивался, напоминая огромного кита.

Впрочем, сравнивать главу Якудзы с презренным млекопитающим даже мысленно не пришло бы в голову ни стоящему рядом советнику Рава-сан, ни двум охранникам, безгласными и глухими изваяниями застывшим неподалеку от босса.

Наконец Хидои-сан принял вертикальное положение, подплыл к бортику, около которого стоял советник, и поманил того пальцами. Советник сел на мокрый бортик как был, в белоснежном костюме. Его начищенные ботинки закачались в опасной близости от воды.

– Что это? – спросил Хидои-сан.

Советник потому и держался на своей должности не обезглавленным и не утопленным в нечистотах уже десяток лет, что умел читать мысли босса еще до того, как тот откроет рот.

– Сейнару хосеки. Реликвия японских императоров. Считалось, что пока она хранится в дворце императоров, Япония непобедима.

Хидои-сан чуть приподнял бровь. Советник, получивший тем самым разрешения продолжить экскурс в скучную историю, заговорил снова.

– Когда стало понятно, что американцы вот-вот вступят на землю Японии, император принял решение эвакуировать особо важные документы, и Сейнару хосеки в том числе, в Манчжурию. Видимо, был приказ спрятать Сейнару хосеки в пещерах близ Хайлара. Однако по дороге колонну разбомбили русские. Сейнару хосеки считался утерянным.

Хидои-сан задумался. Потом поднял глаза на советника.

– В генералитете Японии считается, что если Сейнару хосеки вернется домой, то Япония снова станет владычицей Азии. Их агенты много лет работали по всему миру в поисках Сейнару хосеки. Вероятно, у них в России есть сеть агентов, которые занимаются такими поисками.

Хидои-сан поднял обе брови.

– Цена хорошая. И они ее заплатят. Но нам надо решить – отдадим ли мы Сейнару хосеки им.

Хидои-сан удовлетворенно кивнул. Он в очередной раз убедился в том, что у него хороший советник.

– Зови.

Рава-сан поманил пальцем кого-то невидимого. Из дверей показалась девочка. Она подошла к беседующим, молча поклонилась. Нагота главы Якудзы ее, казалось, ничуть не смутила.

– Юми, ты знаешь русский язык? – спросил Хидои-сан.

– Нет. Но если надо…

– За сколько времени?

– Два месяца. Чтобы свободно говорить – три. Очень сложный язык. Даже для меня.

– Мы поселим тебя в семью к русским. Через три месяца ты должна стать русской девочкой. Совсем русской.

– Я поняла, босс.

– Ты хорошо сделал свою работу в Сингапуре. Я доволен. И Синия-сан тоже был бы доволен, если бы был жив.

– Спасибо, босс.

– Юми. Если ты хорошо сделаешь свою работу в России, ты будешь очень богатой.

– Босс, что такое деньги? Это пыль мира.

– Ты умна, Юми. Твои родители гордились бы тобой.

Глава 5. 1978 год, где-то в Японии. Токио, префектура Кокубундзи

Когда на дороге около дома профессора языкознания Георгия Симонова остановился черный автомобиль, он подумал, что кто-то ошибся адресом. За всю его сорокалетнюю жизнь он всего лишь раз сталкивался с официальными японскими властями – когда ему нужно было получать паспорт.

Семью чиновника советского торгпредства в Пекине, предусмотрительно сбежавшего в 1937 году в Японию, вообще никто никогда не трогал в этой стране. Отец Георгия преподавал языки в Токийском университете, война прошла стороной, американские оккупационные власти лишь один раз вежливо предложили ему переехать в США. Тот не менее вежливо отказался.

Сын пошел по стопам отца. Сравнительно неплохой зарплаты хватало на безбедную жизнь, а полная аполитичность всей семьи делала эту жизнь еще и спокойной.

Однако адресом не ошиблись. И это оказались не представители власти. Строгого вида худощавый японец в очках, сопровождаемый двумя мордоворотами, без разрешения прошел в дом, жестом выставил наружу жену Георгия и обоих детей, после чего у них состоялся непродолжительный разговор. В предложенной альтернативе – получить массу неприятностей либо скромную сумму в размере своего годового жалования, плюс обязательство молчать как мертвая рыба – профессор Симонов выбрал второе.

Девочка прожила у них три месяца. Сначала Георгий не верил в мероприятие – девочка не знала ни слова ни из одного славянского языка. Правда, она отлично говорила на английском и немецком, знала корейский, тайский, малайский языки и несколько филиппинских диалектов, а также немного шанхайский диалект китайского языка. Однако обучение пошло успешно. Никогда в своей жизни он не видел столь прилежной ученицы. Казалось, она даже никогда не спала – когда бы он ни заглянул в ее комнатку, она сидела и учила.

Дети Георгия – Мария и Иван – очень быстро подружились с девочкой. Она казалась младше их, однако через некоторое время Георгий начал думать, что она несколько старше, чем он подумал изначально. К середине обучения он мог побиться о заклад, что ей, пожалуй, даже лет двадцать. Если не больше. Пару раз он перехватил ее взгляд – и готов был поклясться на Библии, что это был взгляд взрослой опытной женщины, а отнюдь не той девочки, какой ему ее представили. Впрочем, это его абсолютно не касалось.

К окончанию срока обучения Георгий был совершенно доволен своей ученицей. По-русски она говорила ничуть не хуже, чем его дети и он сам. Она усвоила русские привычки – по крайней мере те, которые усвоил он. Георгий понимал, что сейчас в СССР все совсем иное – но он верил в незыблемость русского менталитета во всем мире. В чем неоднократно убеждался, случайно сталкиваясь с советскими моряками – крайне грубыми и обычно пьяными.

Человек в очках больше его не беспокоил. Данный ему аванс Георгий предусмотрительно пожил в банк и очень рассчитывал на остаток оплаты – этого ему хватило бы на новый автомобиль и, скорее всего, даже на покупку квартиры для Ивана. Иван заканчивал школу и намеревался поступать в колледж.

За девочкой приехали день в день, как и обещали. За два дня до этого произошло событие, которое окончательно убедило его в том, что Отоми (именно так ему представили ученицу) значительно старше, чем кажется.

В этот день он был дома один. Отоми прибежала с утренней пробежки – она ежедневно тратила на это занятие не менее часа. Он слышал, как она прошла в душ, потом в свою комнатку. То, чтобы девочка жила в маленьком неприметном чуланчике, было одним из условий договора.

Как она вошла в его кабинет, он не слышал. Девочка вообще умела двигаться совершенно бесшумно, в чем он не раз убеждался. Кода она обняла его сзади, он вздрогнул и едва не закричал от неожиданности.

Непонятно каким образом он оказался распластанным на покрывающем пол ковре. Девочка оказалась неожиданно сильной для ребенка, и в первые мгновения он не мог даже шевельнуться. А когда смог – распаляющее желание обладать сидящей на нем японкой взяло верх над здравым смыслом.

Конечно, маленькая девочка, которой прикидывалась Отоми, не могла бы так сладострастно предаваться любви. Она так и не дала ему сменить позу, прыгая на нем сверху и издавая глухие протяжные стоны. Сначала он думал, что ей больно – но, посмотрев ей в лицо, понял, что она полностью предается страсти. И он для нее – всего лишь механизм для удовлетворения себя.

Уже через полчаса, когда вернулась Анна, его жена, Отоми вела себя как ни в чем не бывало. В отличие от него – он впадал в краску и отвечал невпопад. Впрочем, жена привыкла к некоторой его рассеянности и, казалось, не обратила на это никакого внимания.

Люди в черной машине приехали, конечно, не совсем вовремя – вся семья была в сборе. Обычно они ездили в выходной в парк и затем ужинали в ресторане – но накануне ему позвонил человек в очках и назначил встречу на утро. Поэтому Георгий отложил поездку с семьей на послеобеденное время.

Человек в очках на этот раз не приехал. К дому подошли лишь двое громил. Один из них нес большой чемодан. «Что это? Деньги?» – глядя на них из окна, недоуменно подумал Георгий.

Он пошел к лестнице, ведущей вниз, чтобы встретить гостей. Проходя мимо комнатки Отоми, он занес руку, чтобы стукнуть ей и сказать, что за ней приехали. Однако дверь распахнулась за миг до этого. Отоми стояла, одетая в свое детское платье, и смотрела на него.

– За тобой приехали, – сказал он по-русски.

– Я знаю, – ответила она. – Прощай.

Она приподнялась на цыпочки, подставляя губы для поцелуя. Он наклонился к ней, и в этот момент острая спица вошла ему точно в сердце. Он застыл на миг, еще успев услышать непонятный шум внизу, в кухне, где были жена с дочкой. И мир исчез.

Юми вышла на улицу одна. Проходя мимо кухни, она с иронией посмотрела на происходящее. Руки Анны и Марии были пришпилены ножами к деревянному полу, и над ними вовсю старались боевики. Их голые задницы ходили вверх-вниз совершенно синхронно. Это было законное право Якудза – обладать своими жертвами. Впрочем, и по плану все должно было выглядеть как разбойное нападение.

Юми перешагнула через лежащее у входа тело Ивана, не спеша прошла по дорожке и села в машину. Водитель не проронил ни слова. Минут через десять из дома вышли боевики. Чемодан, который они несли, явно был намного легче, чем по пути туда.

Машина уже забралась на пригорок, когда из оставшегося далеко позади дома показался дым. Еще через мгновение стало видно пламя, и дом вспыхнул, как спичечный коробок. Юми удовлетворенно кивнула головой и откинулась на спинку сидения.

Глава 6. 1978 год, где-то в СССР. Улан-Удэ

К нежданному визиту своего брата Николай не был готов.

Брата он видел последний раз лет двадцать назад. Брат был даже не двоюродным, а скорее сводным – у них была одна бабка, но разные деды и потому разные фамилии. Что, впрочем, не мешало им в детстве сильно дружить. А потом Василий уехал во Владик в мореходку, и по окончании ее не вылезал из заграничных рейсов.

Николай раз в год получал от него письмо с описанием житья-бытья. Иногда были месяцы и годы, когда письма не приходили – значит, Василий был в рейсе. Из писем следовало, что Василий женился на поварихе, и она родила ему сначала сына, потом дочку.

Василий приехал не один. Милая черноволосая девочка Юля с красивыми раскосыми глазами оказалась племянницей его жены. Николай давно уже запутался в хитросплетениях сложных родственных связей своей большой семьи и сильно этим не заморачивался. Гораздо больше его интересовали привезенные Василием сувениры – особенно несколько бутылок виски с изображенной на них лошадью и два блока сигарет Hi-Lite.

Лошадь оказалась хороша. Они засиделись допоздна на кухне – и жена Галина, и Юля, и дочка Танька уже спали. О причине приезда Василий, впрочем, под выпивку говорить отказался, перенеся серьезные дела на утро.

Утром слегка опохмелились. Виски, который Николай пробовал впервые в жизни, оказался удивительно беспохмельным, что не помешало им принять под утренний чай капельку коньяка – пока Галина не видела. Для разговора Василий предложил пойти прогуляться, и Николай понял, что дело будет серьезным.

Сначала он принял предложение брата в штыки. Он совсем недавно стал мастером в вагонном депо, жена успешно работала репетитором, и очередь на «Жигули» уже виднелась в обозримом будущем. Взять девочку в дом на правах дочки он, может быть, и согласился бы, но переезжать при этом в Иркутск…

Однако когда Василий озвучил сумму благодарности, Николай сразу замолчал. Столько вся их семья не заработала бы и за три года. А тут был вопрос всего одного учебного года для девочки – которая потом, по словам Василия, поступит в техникум и будет жить в общежитии.

Последнее слово, как обычно, осталось за Галиной. И слово это было утвердительным. Тем более что квартира в Иркутске, по словам Василия, была – причем неплохая. Там когда-то жила тетка жены Василия, которая благополучно скончалась два года назад.

Галине неожиданно понравилось предложение. Думала она недолго – до понедельника. Позвонила каким-то знакомым в Иркутск, выяснила, что Николая переведут на новую работу в депо без каких-либо проблем. Сложнее было с Танькой – та устроила скандал, что ее лишают подруг и родного класса. Впрочем, Иркутск был сильным аргументом – развлечений там было гораздо больше, да и сам город интереснее. К тому же они как-то сразу нашли общий язык с Юлей – а Юля ей только об Иркутске и твердила.

Переезд наметили на середину августа. Времени было достаточно и для перевода на новую работу, и для обустройства квартиры. Николая сильно заботило, чтобы девочки попали в хорошую школу – но Василий неожиданно вызвался самостоятельно съездить в Иркутск и решить этот вопрос по своим морским каналам.

Глава 7. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

Игорь много раз мечтал, чтобы и с ним было так же. Чтобы посреди урока зашла завучиха и представила всему новому классу его. А он чтобы стоял перед всеми, и все думали – ну-ка, что это за новый интересный персонаж?

С новых девочек весь класс не сводил глаз. Хоть завучиха Тафиса и сказала, что они сестры, верилось в это с трудом – фамилии у них были разные, да и внешность… Таня была лишь чуточку раскосой и носила длинную косу почти русого цвета. А вот Юля была типичной буряткой – правда, очень красивой.

Девочки сели вместе – ради них отличницу Маринку переместили к Игорю, отчего он был совсем не в восторге. Маринка была не только отличницей, но и стукачкой – а значит, прощай разные интересные занятия на уроках. Сам он предпочел бы сесть с новенькой Юлей – она его сразу чем-то приворожила. Нет, своей симпатии Ритке он не собирался изменять – несмотря на то, что Ритка не особенно выделяла его среди других мальчишек – но эта новая девочка была просто фантастически интересной…

Первые два дня к новеньким присматривались, что они из себя представляют, и к какой группировке примкнут. С Таней все стало ясно уже на следующий день – она сразу показала себя упертой отличницей, способной составить конкуренцию Маринке. Класс все понял и начал с иронией и сочувствием наблюдать за жестким соперничеством. Правда, в отличие от болезненной Маринки, Таня занималась гимнастикой, и получив пятерку по физкультуре, моментально оказалась на голову выше соперницы.

А вот с Юлей было непонятно. Она была доброжелательна ко всем, но ни с кем не сблизилась. Неаккуратную попытку местного ловеласа Мишки Бутакова пригласить ее в кино она отвергла мягко, но настойчиво, сразу приподнявшись в глазах всех девочек класса. А вот с уроками, в отличие от Тани, у нее было не очень. И на русском, и на английском она откровенно плавала, математика и физика тоже были не ее. Зато на истории, которую вел директор школы Владимир Николаевич, она буквально расцвела.

Она первой подняла руку на его вопрос о причинах кризиса в политике первых русских князей, и последующие двадцать минут весь класс сидел, раскрыв рты. Юля рассказывала гораздо лучше Владимира Николаевича – хотя до сих пор именно он считался самым интересным учителем в школе. Учитель тоже был безмерно удивлен, изредка вставлял ехидные вопросы и тут же получал на них развернутый ответ.

– Ну, и откуда у нас такая умная девочка оказалась? – наконец спросил он, когда Юля выдохлась.

– Из Владивостока, – пискнула Таня.

– Далеко, – кивнул Владимир Николаевич. – Переехала с родителями?

– Нет, – ответила Юля. – Просто… так получилось.

– Там в спецшколе, наверное, училась?

– Нет. Я… просто интересуюсь историей.

– Отлично, – Владимир Николаевич азартно потер руки. – Ну что же, очень рад…

Глава 8. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

Игорь две недели робел и не решался пригласить Юлю в кино. Она казалась ему такой… взрослой, что ли. На все их забавы она смотрела не то чтобы странно, но как-то снисходительно.

Лед сломала, как ни странно, она сама. Как-то раз, когда он шел из школы, наслаждаясь неярким осенним солнцем, она догнала его и просто пошла рядом.

Постепенно они разговорились. Игорь с удивлением выяснил, что она прекрасно разбирается в его хобби – американских индейцах, и так же, как и он, буквально бредит фильмами с Гойко Митичем. А после того, как она сказала, что ее дядя-моряк бывал в США и обещал привезти ей самый настоящий вампум, Игорь понял, что она лучшая девочка на свете.

Повод нашелся сам собой: в кинотеатрах уже третий день шел фильм «Братья по крови». Пригласить Юлю получилось легко – она тоже еще не ходила на это кино. Согласилась она сразу. Культурный выход наметили буквально назавтра – на субботу.

Как оказалось, Юля и Таня жили совсем недалеко от него – буквально за три дома. Он проводил Юлю до дверей подъезда. Они еще долго болтали, стоя у нее под окнами – но потом во дворе появилась Таня, иронично посмотрела на обоих, и Юля пошла за ней.

Наутро он был готов заранее. На фильм была давка, поэтому он не поленился загодя сбегать за билетами. Потом, к удивлению матери, погладил брюки, надел чистую рубашку и за полчаса, как и договаривались, стоял у подъезда Юли. Сердце его билось, как овечий хвост – он впервые шел с девушкой в кино. И страшно боялся и ее насмешек, и насмешек тех знакомых, кто их увидит.

Но больше всего он опасался, что Юля возьмет с собой Таню – как это часто бывает у девочек, для страховки.

Он ошибался – Юля была одна. И она была такая… красивая, что ли. Она надела короткую юбку, сапожки и голубую курточку – и произвела на него такое впечатление, что он минут десять остолбенело молчал, просто идя рядом с ней. Юля, в отличие от него, непринужденно болтала, рассказывая ему про своего дядю-моряка.

Потом она перешла на школьные дела и как бы невзначай спросила:

– Слушай, а директор… как его… Владимир Николаевич – он как, нормальный мужик?

– Да. Клевый. К нему вообще можно просто так в кабинет приходить, если какие-то вопросы есть. Старшие к нему и домой ходят, чай там пьют, газеты рисуют…

– А. Классно. А девчонки говорили, у него вроде дочка есть? Она у нас учится?

– Ленка. В бэ классе. Да ты ее видела, наверное. Такая в очках.

– Ага, – ответила Юля.

Тем временем они подошли к «Баргузину». В кинотеатр уже была давка – фильмы был интересный. У Игоря сжалось сердце – около входа толкались трое постышевских, с которыми у их околотка был вечный конфликт. А увидев его с девушкой, да еще такой красивой, они обязательно должны были прицепиться.

Однако почему-то обошлось. Пацаны проводили их внимательными взглядами, но не сказали ни слова. «Интересно, чего это они», – подумал Игорь. Впрочем, проблемы могли быть и после кино, на выходе. И это было более вероятно.

Но уже через десять минут он забыл обо всех страхах. Началось кино, а рядом сидела такая девочка… Правда, он не совсем знал, что ему надо делать – обнимать ли ее, или нет. Парни рассказывали, что не только обнимали девочек в кино, но и позволяли себе гораздо больше – например, потрогать сиськи или залезть в трусики. Он подозревал, что эти истории сильно преувеличены, но не оправдать вероятные ожидания девочки было гораздо хуже.

На середине фильма он все-таки решился положить руку ей на плечо. Юля сняла куртку, под ней была тонкая блузка, и от ощущения почти голого тела под рукой Игорю стало жарко. Еще жарче ему стало от того, когда она и виду не подала, что заметила его руку.

На экране с улюлюканием скакали индейцы, отстреливались бледнолицые, его сердце бешено стучало, и как бы невзначай он положил руку на ее колено. Руку тут же аккуратно, но решительно вернули на место, после чего он услышал горячий шепот в свое ухо:

– Не сейчас.

Дорога назад оказалась еще лучше. Постышевские куда-то исчезли, Юля позволила взять себя под руку, и за обсуждением фильма они не заметили, как пришли к ее дому. На этот раз долго задерживаться она не стала – зато на прощание, приподнявшись на цыпочках, прикоснулась губами к его щеке и шепотом сказала:

– Спасибо.

Глава 9. 1978 год, где-то в СССР, Москва, Лубянская площадь

Начальник отдела контрразведки Ардальон Малыгин вошел к председателю КГБ СССР без стука. Они были старинными друзьями, и даже если бы в кабинете начальника был кто-то чужой – секретарша бы его предупредила.

– Смотри, Юрий Владимирович, какая загадка – без долгих предисловий начал Малыгин. – Видишь это письмо?

Председатель КГБ с любопытством и юмором посмотрел на фотоснимок записки, усеянной японскими иероглифами.

– Ну, вижу. Интересное письмо. Дай почитать?

– Понимаю твой сарказм, японского ты не знаешь. Зато я знаю. Займу у тебя несколько минут, дело важное.

– Ну давай. Только, Ардальон Николаевич, побыстрее. Через полчаса мне в Кремль.

– Успеем. Четыре месяца назад наш агент в Токио, имеющие некоторые связи в японской мафии Якудза, сообщил о некой операции, которую Якудза намеревается провести в СССР.

Председатель КГБ изумленно поднял брови:

– Ты шутишь? Якудза? В СССР?

– Нет. Это не шутка. Агент очень серьезный. Он входит в ближайшее окружение руководства разведслужбы японских сил самообороны.

– Так-так. И какого рода операция?

– А вот это и интересно. Никто, ни один человек, даже в руководстве японской разведки, даже в контрразведке, совершенно не представляет, что за операция. Есть предположение, что операцию проводит лично, причем по своей собственной инициативе, начальник штаба разведки Управления национальной обороны Японии генерал Кёкатсуна.

– По своей инициативе? Крайне интересно. Это с чего же он вдруг так рискует?

– Да. Смертельно рискует. Мы прощупали других генералов, до кого дотянулись – никто абсолютно ничего не знает об этом. Даже намеком.

– Так…, – интонация председателя КГБ не предвещала ничего хорошего.

– Слушай дальше. Это не все. Когда-то давно мы вместе со смежниками из ГРУ завербовали бывшего советского торгпреда Ивана Симонова, сбежавшего из Китая в Японию в 1937 году. Активно его не использовали, пару раз воспользовались его услугами для передачи информации. Два года назад он умер. Его сын, Георгий, не в курсе наших отношений с его отцом, однако является большим поклонником Советского Союза. Несколько раз наши агенты беседовали с ним, разумеется, под видом русских туристов – он вполне благожелательно воспринял идею послужить Родине. Собственно, он готовый агент – вхож во многие аристократические дома Японии, знаком с профессурой, знает языки, причем некоторые в совершенстве.

Председатель КГБ удовлетворенно кивнул – он любил элегантные операции.

– На начало мая мы запланировали его окончательную вербовку. Однако за три дня до этого он погиб.

Генерал армии недоуменно посмотрел на своего собеседника:

– Погиб?

– Да. Случился пожар в его доме. Он сам, жена и двое детей погибли. По заключению полиции, произошло короткое замыкание, затем вспыхнул бензин в гараже… никто не смог выбраться из дома.

– И?

– Наш человек, имеющий очень хорошие связи в полиции, выяснил, что время смерти всех четверых – за несколько минут до начала пожара. Но эту информацию в полиции не афи-

шируют. Более того – где-то за пятнадцать минут до того, как случился пожар, соседи видели черную машину с двумя очень крепкими молодыми людьми, отъезжающую от дома Симонова.

– Так…

– А через сутки после того, как наш человек в полиции рассказал это нашему агенту – естественно, тет-а-тет – его нашли утонувшим в собственной ванной. Полиция дела не возбуждала – несчастный случай.

– Итог?

– Мы не знаем. Все, что мы знаем, я тебе изложил.

– Прекрасно. Сказать, что я об этом думаю?

– Скажи.

– Копайте, черт побери!

Глава 10. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

Лена зашла в магазин. Вряд ли она заметила, что за ней следят, но на всякий случай Юми осталась снаружи – делая вид, что разглядывает афишу на остановке.

Она уже четыре дня безуспешно следила за дочерью объекта, однако так и не могла решить, как с ней познакомиться поближе. Девочка почти не выходила из дома, изредка выбиралась по магазинам – в основном с матерью.

Лена училась в параллельном классе, однако Юми и в школе не могла найти точек соприкосновения с ней. Таня, ее «сестра», тоже вряд ли могла помочь – кроме гимнастики, она думала только о книгах, поездках и, как выяснила Юми, о мальчиках – которые в ее жизни гарантированно существовали лишь в воображении.

Юми еще минутку подумала, потом быстро зашла в магазин. Лена стояла в конце небольшой очереди. В авоське лежал сиротливый батон – перед этим девочка побывала в хлебном.

– Стоишь? – спросила Юми. Лена кивнула, не глядя на нее. Юми выдержала паузу, потом сказала:

– О, я тебя знаю. Ты же в «б» -классе учишься.

– Да, – Лена обернулась, проявив слабый интерес. – А ты…

– А я в «а». Я тут недавно, из Улан-Удэ с родителями приехали.

– А, из Уланки. Я там была один раз с родителями. Ленин у вас там…

– Да, – ответила Юми. – Здоровый.

Лед, вроде, был растоплен. Однако тех сведений, которые успела собрать Юми о дочке директора, было мало для серьезного знакомства. Нужно было потыкать в разные точки. Легкой болтовни хватило до конца очереди – Лена купила молока и кефира, Юля молока, То, что Лена ее подождала, внушало легкую надежду.

– Чем занимаешься? – в лоб спросила ее Юми.

– Ну так… – девочка помялась, смешно поправила большие очки. – Шахматами.

Это был отличный ход. Юми широко улыбнулась:

– Ой. Надо же. Я тоже. А мне играть не с кем. Серьезно играешь?

– Ну… – Лена помялась и покраснела. – КМС. Юношеский, понятное дело.

Слово было для Юми незнакомым, однако переспрашивать она не рискнула. Судя по реакции девочки, это было что-то хорошее.

– Ух ты. Клево. Сыграем?

– Ну-у-у… давай. Если ты сильно играешь. А то мне тренер не разрешает со слабыми… ой, извини. Ты в Уланке в клуб ходила?

– Да, – разговор принял опасный поворот.

– Лихошвая знаешь?

– Ну так… – неопределенно ответила Юми.

– А, так ты, наверное, не в городской клуб ходила, а в универовский?

– Ну да.

– А я там никого не знаю. А к нам в клуб не приходила еще?

– Нет пока. Все не соберусь. Мы же только переехали сюда.

– Давай завтра поиграем? Где встретимся?

Юми не рассчитывала на такую удачу. Лена явно оживилась, и заинтересовалась. Однако приглашать Лену к себе она не рискнула – в случайной беседе с Галиной или Таней моментально выяснилось бы правда и про клуб, и про шахматы.

– Давай в школе. Там есть где?

– Конечно. В пионерской. Там и шахматы, и часы. Отец же тоже играет, мы даже турнир проводили.

– Отец? – недоуменно переспросила Юми.

– Ну да. Владимир Николаевич. Он же мой отец.

– Ой, – растерянно протянула Юми. – Не знала. Он твой отец? Здорово. Он такой… хороший.

– Да. Я в курсе, – Лена рассмеялась.

Они уже стояли у дома директора. Лена помахала рукой:

– Ну давай. До завтра. После пятого. У вас же тоже пять уроков, наверное?

– Да, пять. Давай.

В шахматы Юми играла отлично. Они помогали ей снимать напряжение тогда, когда не было других способов. Или когда надо было неспешно подумать над какой-то сложной проблемой.

Однако к встрече следовало подготовиться. Она подумала, потом аккуратно поставила ненужную ей бутылку молока около урны и направилась к троллейбусной остановке. Шахматный клуб был в центре.

Глава 11. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск, улица Литвинова

– Юрий Александрович, почта из главка, – секретарша положила запечатанный конверт на стол.

Генерал посмотрел на часы – рабочий день давно закончился, пятница, жена уже ждет на дачу. С сомнением посмотрел на конверт – там могло быть что-то, что задержит его на работе допоздна. А то и на сутки-двое – и такое бывало. Можно было сделать вид, что он уже уехал – секретарша опытная, не сдаст.

Дисциплина и здравый смысл взяли верх. Он взял стилизованный под кинжал нож для бумаг, аккуратно вскрыл конверт. Скользнул глазами по грифу «Секретно». Циркуляр – то есть документ разошелся по всем управлениям необъятной. Циркуляр и секретно – это что-то серьезное.

Он пробежал глазами текст, посмотрел на подпись. Недоуменно пожал плечами, прочитал еще раз – внимательно. Положил циркуляр на стол, привычно перевернув вниз текстом. Подошел к сейфу. Грузинского «Греми» оставалось немного – но напиваться было и не с руки, до дома он все-таки был намерен добраться еще сегодня.

Налил рюмку, сел за стол, выпил половину. Постучал пальцами по столу, размышляя. Поднял трубку внутреннего телефона, набрал номер.

– Алексей? Не ушел еще? Зайди.

Силин появился через минуту – благо отдел контрразведки находился на том же этаже. Символически стукнул в дверь, тут же вошел.

– Только сядешь поработать – обязательно начальство разбудит, – без улыбки пошутил он.

Генерал кивнул.

– Читай, – протянул он листок. Сам сел за стол, допил коньяк. Подумал, подошел к сейфу и налил еще. Силин был его воспитанником с самого первого дня своей работы в управлении, так что стесняться его было незачем.

– Бред какой-то, – положил циркуляр на стол начальник отдела контрразведки. – Найди то, не знаю что.

– Именно, – отозвался генерал. – И придется ведь искать.

– Хоть какая-то зацепка есть?

Генерал молча показал рукой на циркуляр. Мол, знаю столько же, сколько и ты.

– Японцы, надо же. В последний раз мы с ними сталкивались…

– Да-да. Тебя еще на свете не было. Так что ты и не сталкивался.

– И что их тут может интересовать? Авиазавод? Белая? Ангарск?

– Да все, что угодно, – ответил генерал, глядя на подполковника сквозь рюмку. – Работай, в общем. У тебя же там этот… полиглот есть…

– Чернов?

– Во-во. Отдай, пусть копает.

Глава 12. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

Игорь был счастлив. С Юлей у него все складывалось как нельзя лучше.

Правда, она по-прежнему была неприступна как скала, зато охотно разрешала провожать себя до дому после школы. А самое главное – не била артистическим жестом по лицу при попытке ее поцеловать на прощание, как у него в прошлом году случилось с отличницей-Маринкой.

Правда, признаться честно, тогда это было вовсе не при провожании. На Маринку он имел серьезные виды и затащил к себе домой под благовидным предлогом посмотреть зарубежный журнал, купленный за пятерку на балке. Там же в квартире, прижав ее в углу, он не только попытался дотянуться губами до ее губ, но и недвусмысленно ухватил ее за выдающуюся грудь. Почувствовав на миг сокрушающую все его мужское естество упругость, он тут же отхватил со всей силы по физиономии – несмотря на свою приличную внешность, Маринка дралась как разъяренная кошка.

С Юлей было не так. Она романтично жмурилась, подставляя щеку, мило краснела после того, как он все смелее чмокал ее, однако старательно уворачивалась от попыток добраться до губ. Что не мешало Игорю осознавать себя завзятым сердцеедом и покорителем женщин.

Впрочем, от попыток заманить ее к себе домой она уклонялась со невероятным изяществом, находя для этого все новые причины. Чем несказанно его огорчала – в своих мечтах он уже не только овладевал ей с напором юного жеребца, но и шел с ней под марш Мендельсона в ЗАГСе. Юлины отказы, само собой, мечтам не мешали, вследствие чего он бурно орошал белесыми потеками кафель родного туалета.

Через неделю таких отношений он рискнул пригласить ее в «Снежинку». В самом приглашении риска особого не было – ну отказалась бы да отказалась. Но «Снежинка» считалась заведением для взрослых, сам он там никогда не был, и лишь по рассказам старших парней представлял, что там и как. Да и насчет денег он был не уверен – хотя накопленной на сдаче бутылок трешки должно было хватить с лихвой.

Главное – в районе «Снежинки» безраздельно властвовали «бродовские», и огрести от них можно было по-серьезному. Но ради такого случая можно было и рискнуть.

Юля согласилась. Игорь не стал откладывать мероприятие на вечер. Вечером кафе наверняка было забито взрослыми, да и с местной шпаной шанс столкнуться был гораздо выше. Они добрались на трамвае до места, прогулялись мимо махины областной милиции и КГБ – Юля с интересом разглядывала целую вереницу припаркованных служебных машин.

К счастью, в кафе было достаточно свободно, и веселый рыжий бармен, окинув их оценивающим взглядом, ничего не возразил против их присутствия. Игорь старался держаться свободно, хотя во время заказа голос его все равно предательски подрагивал. Однако уже через пять минут после того, как принесли мороженое, он вполне освоился и вовсю болтал с Юлей.

Хотя на самом деле больше болтала она. Она пересказала ему несколько смешных историй из жизни своего дяди-моряка – явно с его слов. Игорь слегка смутился, услышав рассказ про статуэтку девушки в сиднейском портовом баре – если ей бросить монетку в рот, она наливала из известного места стаканчик виски. Свобода, с которой Юля это все рассказывала, его сильно удивила.

– Ты пробовал виски? – спросила вдруг она. Он отрицательно мотнул головой. Про все такие напитки он запоем читал в журнале «Иностранная литература», но в реальности пробовал только ркацители на новый год, да пару раз мерзкий розовый вермут с парнями вечером в детсаду по соседству.

Юля странно сморщила брови, на миг показавшись гораздо старше, чем была, и невпопад сказала:

– А я… я тоже нет. Здесь же не продают?

Игорь не был уверен, что им вообще продадут спиртное, но на всякий случай встал и посмотрел на стойку бара. Кроме алжирского вина и шампанского, там ничего не было.

– Жалко, – сказала Юля. – Я бы попробовала. Я вообще люблю… пробовать неизвестное.

Она внимательно посмотрела на Игоря. Он покраснел и не нашелся, что ответить.

Глава 13. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

– Ты сильная, – с уважением сказала Лена, выключая часы. Это была восьмая партия подряд, проигранная ей. – Странно, что я с тобой до сих пор не встречалась на соревнованиях.

– Да я больше для себя играю, – сказала Юми. – Меня дядя учил. Он моряк. Ну и сама занималась…

– Вот зачем ты врешь, – со смехом сказала Лена. – Я же вижу школу. Тебя явно мастер спорта тренировал.

Юми пожала плечами и промолчала.

– А Владимир Николаевич… он сильнее тебя играет? – наконец спросила она.

– Папа-то? Он же мужик. Мужики вообще по-другому играют.

Юми кивнула:

– Я знаю.

– Ты чего, хочешь с ним сыграть?

– Ну да. Хотела бы.

– Так приходи в воскресение к нам. Вечером. Часов в семь. Он будет дома. Если сможет – сыграет. А если нет – так мы с тобой повторим.

– Ой. Я хочу. А это удобно?

– Ты чего? У нас полшколы дома бывает. Папа… он такой. Широкий.

Юми кивнула. Для такого визита ей нужно было подготовиться. Самым неприятным в ее задании было то, что через границу в эту страну нельзя было практически ничего протащить. Ее выкинули с мини-подлодки в нескольких километрах от берега, в кромешной темноте и штормящем море. Дальше она добиралась с аквалангом, ориентируясь только по компасу и какому-то внутреннему чутью, которое не раз ее выручало.

Советскую границу она не переходила ни разу – и это было самое сложное в ее пути. Если бы она не была в гидрокостюме и с аквалангом, она могла бы притвориться неудачливой купальщицей, однако снаряжение выдавало ее с головой. Конечно, и гидра была советской, и неудобные ласты, и акваланг АВМ-7 тоже. Однако в случае провала это вряд ли помогло бы.

Все обошлось – она вышла на тот пляж, куда и должна была. Осмотрелась, вытащила из-под гидрокостюма одежду, положила ее около наклонившегося зонтика. Кроме одежды, свидетельства о рождении, справки из школы и еще нескольких документов, мастерски сделанных людьми Хидон-сана, у нее не было ничего. И, конечно, небольшая пачка советских денег – настоящих.

На пляже в середине ночи не было ни души. Она разделась догола, надела ласты. Вернулась обратно в море, подплыла к скалам. Аккуратно спрятала резиновый мешок, в котором лежали акваланг и гидра, под камнями. Там же уложила ласты, кролем вернулась обратно.

Путь был открыт. В акваланге оставалось еще около двухсот литров воздуха – вполне достаточно для обратного пути.

Если он еще будет, этот путь…

Глава 14. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск, улица Литвинова

Старший лейтенант госбезопасности Вячеслав Чернов отнюдь не блистал оптимизмом.

Совершенно секретное дело, которое ему поручил подполковник Силин, не просто буксовало на месте – оно завязло в трясине. Зацепок не было никаких.

Три недели он убил на то, чтобы объехать все номерные заводы. Местные секретчики дежурно отвечали, что все штатно, никаких покушений на безопасность и обороноспособность страны в целом и секретного производства в частности не наблюдается. Нескольких рабочих, принятых на авиазавод за последний месяц, проверили еще разок – не нашли ничего предосудительного. Абсолютно.

С транспортной милицией на вокзале говорить было бессмысленно. Они, конечно, его внимательно выслушали, покивали, но он и сам понимал, что с таким потоком пассажиров запомнить кого-то было невозможно. А все, что явно выходило за рамки обычной деятельности, давно написано в сводках.

Стайка японских туристов, прибывшая проездом на Байкал, два дня гуляла по городу, ошалело разглядывая деревянные развалюхи и туалеты типа «сортир». Сопровождавшие их под видом гидов два сотрудника смотрели в оба, но не заметили ничего предосудительного.

С аэропортом было проще – там фиксировались все фамилии. Но рейсов в Японию в Иркутске не было в принципе, двое прилетевших транзитом японцев относились к ведомству торгпреда и работали в СССР уже лет десять.

Самое главное – никто из начальства не смог сказать, что именно надо искать. Это была даже не иголка в стоге сена – это была воображаемая иголка в несуществующем стоге.

Чернов попал в КГБ по глупости. К окончанию института он легко овладел, в придачу к профильным английскому и немецкому, еще и испанским с французским, не считая нескольких славянских языков, и уже всерьез целился на работу за границей. Подвела любовь к экзотике – на комсомольской дискотеке он познакомился с милой француженкой, знакомство переросло в нечто большее, скрепленное обильным потоком шампанского. Наутро девушка, проснувшаяся в его постели, потребовала доставить ее к маме с папой, которые уже наверняка потеряли свою дочурку. Барышню к этому моменту уже искали по всему городу и милиция, и КГБ.

На допросе в КГБ Чернов пытался объяснить, что девушка никаким образом не выглядела на свои пятнадцать лет, а просить документы у иностранной подданной он как-то не привык. Правда, толерантные французские родители были отнюдь не в претензии на него за маленькое веселое приключение, в которое попала дочка – но после долгой беседы в деканате о загранице ему пришлось забыть. И об аспирантуре – тоже. Через месяц его снова пригласил товарищ в штатском, который вел допрос по поводу малолетней француженки, и сделал ему недвусмысленное предложение. Отказываться было глупо.

– Что еще связано у нас с Японией, – бормотал он, уже несколько часов бесцельно бродя по кабинету. – Что мы вообще про нее знаем? Варяг. Микадо. Каратэ. Гейши. М-да. Гейши. Гейшу бы сейчас не помешало, да. Камикадзе. Саке. Саке тоже бы не помешало…

Он вспомнил роман про камикадзе, который недавно прочитал. Роман был сильный, но пацифистская концовка все портила. Однако та, неизвестная ему война Японии с американцами, завораживала своей новизной.

– Стоп, – вдруг остановился он. – Война.

Он спустился на два этажа ниже, в информационный отдел. За спиной малознакомой ему женщины через приоткрытую дверь виднелись стеклянные шкафы, внутри которых крутились магнитные ленты.

– А у нас есть списки людей, воевавших в Японии… э-э-э, в Манчжурии, и живущих сейчас в Иркутске? Можно сделать такой запрос?

Зачем ему это было нужно, он и сам пока не понимал.

Глава 15. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

Для встречи с хозяйкой квартиры Юми преобразилась. В пустой подъезд зашла девочка, с трудом тянувшая на восьмиклассницу, а обратно вышла уверенна в себе двадцатипятилетняя миниатюрная женщина с хорошей косметикой на лице.

Накануне она купила элегантные женские часики – присмотрев для них крепкий ремешок. В ближайшее время с ней могло случиться многое, и потерять ориентировку во времени из-за некачественного ремешка она не могла.

Хозяйка оказалась побитой жизнью старушкой с заплаканными глазами. Квартира Юми понравилась – второй этаж, балкон. Перед окнами крутой пригорок – недостаточный, чтобы заглядывать с него в окна, но вполне приемлемый для того, чтобы в случае чего спрыгнуть на него с балкона.

Комната была одна, плюс большой стенной шкаф. Судя по планировке, должна была быть еще одна комната – и, присмотревшись, Юми поняла, что в стене, действительно, тщательно заделана дверь. Старушка ту же начала торопливо объяснять про превратности их семьи – как Юми поняла, в квартире когда-то жил ее сын с женой, затем они развелись, а комнату сын продал соседям. Сын, судя по всему, сначала крепко пил, а теперь сидел – и сидел давненько, так как в квартире по всем углам была покрытая пылью паутина.

– Сколько? – наконец задала главный вопрос удовлетворенная осмотром Юми. Старушка смутилась:

– Сорок не много будет?

– В самый раз, – подумав для приличия, ответила Юми. Она отсчитала старушке сразу за три месяца сто двадцать рублей, забрала ключи и ненароком дала понять, что квартиру снимает для встреч с женатым мужчиной. То есть посторонним появляться здесь нежелательно.

– Что ты, что ты, бог с тобой, – сразу после получения денег перешедшая на «ты» старушка перекрестилась. – Живи тут с кем хочешь, Христос тебе судья.

Юми выпроводила старушку, с сомнением рассмотрела хлипкую входную дверь. Ее явственно пару раз выламывали топором и потом кое-как чинили фанерой. Замок тоже можно было открыть при помощи проволочки и умелых рук. Или вообще отжать стамеской.

Юми сосчитала оставшиеся деньги – их было еще достаточно, но если она задержится еще на месяц, их придется где-то доставать. Пока что особых расходов не было, но неизвестно, что ее ждало впереди.

Она сходила в хозяйственный магазин и вернулась, нагруженная двумя огромными сумками. Вооружилась дрелью и отверткой, сменила замок, заодно убрала все фанерки и поставила с двух сторон листы толстого фибергласса. На звук дрели за соседней дверью раздалось пыхтение, затем в щель двери вылезла любопытная мордочка старушки.

– Жить тут будете, девушка? – спросила она.

– Уже живу, – зло ответила Юми. – С мужем и тремя детьми.

Старушка недовольно покачала головой и закрыла дверь. Юми была уверена, что та рассматривает ее в глазок.

Справившись с дверью, она убралась в квартире, потом отдраила ванну и залезла в нее. У Таниных родителей она даже помыться толком не могла – поэтому сейчас включила душ и с наслаждением предалась мастурбации. Потом, уняв колотящееся сердце, почти час лежала в горячей ванне. Вытерлась, надела трусики, немного повалялась на диване.

Ей нужно было как-то решать вопрос с оружием. Она могла убить кого угодно голыми руками – но только на близком расстоянии. Без пистолета или хорошего ножа она чувствовала себя голой. Однако с ножами в этой стране все было печально – то, что она могла найти, ножом

не могло называться даже при внешнем осмотре. В такой ситуации приходилось пользоваться тем, что можно было приспособить под оружие.

Юми с сомнением рассмотрела два только что купленных складных ножа. Их здесь называли перочинными, и, было похоже, что чинить перья – это единственное, на что они были пригодны. У них не было даже фиксатора, а лезвия гнулись пальцами.

Юми покачала головой, но все-таки взяла брусок и наточила оба ножа. Потом рассмотрела то, что купила в посудном отделе. Пять ножей разной конфигурации для разделки мяса гнулись и были тупыми, но все-таки больше походили на орудия убийства. Юми наточила и их, завернула один в кусок ткани и спрятала в сумку.

Теперь нужно было достать пистолет, и можно было думать о деле. Она подозревала, что где-то в здешних криминальных кругах пистолет можно достать без особых проблем – но где искать эти контакты, она даже не подозревала.

Оставался один вариант – милиция.

Глава 16. 1978 год, где-то в Японии. Киото, округ Нисикё

Хидои-сан нервничал. Уже больше месяца от Юми не было никаких сигналов.

Существовала вероятность, что она попала в лапы местной полиции или даже контрразведки – и это было самое плохое. Но Хидои-сан верил в свою удачу, а главное – в предчувствия. Предчувствий не было. Совсем.

Он достал из шкафчика баночку с белым порошком. Посмотрел сквозь стекло на свет, подумал. Мозг требовал стимуляции, и он решился все-таки взбодриться.

– Пуки, – негромко сказал он, придя в себя от ошеломляющего действия препарата. Девушка тут же открыла дверь и заглянула внутрь, как будто только и караулила, когда ее позовут. Хотя, наверное, так и было.

– Да, босс.

Хидои-сан молча показал ей глазами вниз. Девушка подошла к нему, встала на колени. Облизнула губы, посмотрела в глаза шефу и медленно расстегнула молнию на его брюках.

Хидои-сан откинул голову и погрузился в наслаждение, которое умело доставляла ему лучшая из его секретарш. Поддерживать у шефа хорошее настроение было одной из ее обязанностей.

Не успела Пуки уйти, тщательно вылизав объект своих трудов, как в дверь стукнули. Прямо к нему, без предварительного доклада, стучать мог только один человек – и Хидои-сан рявкнул:

– Да!

Рава-сан вошел. За стеклами его очков виднелись невозмутимые, как всегда, умные глаза.

– Есть новости?

– Да, босс.

Рава-сан положил ему на стол газету на русском языке с объявлением, обведенным красным карандашом. Рядом положил перевод на японском.

«Молодая семья снимет квартиру для длительного проживания. Недорого. Телефон 33-55-32»

Хидои-сан прочитал, поднял глаза на помощника.

– Обосновалась. Объект нашла. Работает.

Хидои-сан кивнул. Недовольно произнес:

– Долго. Непозволительно долго.

– Босс, это Россия.

Хидои-сан кивнул. Ему все меньше нравилась эта затея.

Глава 17. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

– Игорь. Я хочу в лес.

Они уже час гуляли по парку – месту крайне неприятному во многих отношениях, но сейчас, в разгар сибирской осени, совершенно безлюдному.

– В поход, что ли? – уточнил Игорь.

– Нет. Не знаю. А у тебя дача есть?

– Ну… да. У бабушки. Только она туда уже не ездит. А матери некогда. Я там год уже не был.

– Далеко?

– По Байкальскому. Километров пятнадцать.

Юля вопросительно посмотрела на мальчика, потом медленно облизнула губы. Он покраснел.

– Поехали. Завтра. Суббота же. Только… с ночевой тебя же не отпустят?

– Нет, конечно. Ты дурачок, что ли? И не надейся. Поехали утром. Туда что ходит?

– Автобус. Давай, – Игорь оживился, охваченный Юлиной идеей. – Там печка есть.

– Маме не говори только, – многозначительно сказала Юля.

Дома она сказала, что записалась в городской шахматный клуб. Это был отличный мотив для того, чтобы исчезать на весь день. Николай, отец Тани, несколько удивился тому, что она играет в шахматы, но после того, как Юля обыграла его несколько раз подряд, одобрил ее решение.

Дачный домик находился почти в начале садоводства – на второй улице. Юля мельком осмотрела ворота, домик сторожа – оттуда никто не вышел.

– Сторожа-то нет? Воруют, наверное? – как бы между делом спросила она.

– Да он бухает. Даже ворота не закрывает. Но воровать вроде не воруют. Да и что тут брать-то? Керосинку старую или лопату ржавую?

Домик был немаленьким – с огромным чердаком и гаражом. Было заметно, что за ним давно никто не ухаживал – краска со стен облупилась, калитка заросла травой.

– Кто строил? – спросила Юля.

– Дедушка. Но он умер. Лет пять назад. А у бабушки колени болят, она давно уже не ездит. Мать продавать ее хочет.

Юля кивнула. Игорь пошарил за доской над крыльцом, достал ключ.

– Все так просто? – спросила Юля.

– Да. Тут все свои. Да и вообще места глухие.

Внутри было уютно, несмотря на сильный запах нежилого помещения. Пока Игорь растапливал печь, Юля разглядывала вязаные салфетки, которыми были покрыты все поверхности. Заметив ее интерес, Игорь сказал:

– Это бабушка. Все время вяжет. И всем раздает.

Печь затрещала, огонь быстро охватил сухие дрова. Игорь поставил чайник на печку, достал из рюкзака сверток.

– Бутерброды сделал. Будешь?

– Не поесть всегда успеешь, – пошутила Юля. Это была одна из заповедей, которые в нее вбивали учителя, но тут она была к месту. Она расстелила газету, разложила на ней бутерброды. Поставила кружки, выдвинула ящик с посудой.

– Какой красивый, – она поднесла к глазам нож, разглядывая резную рукоятку. Это была не игрушка, а серьезное оружие.

– Да, это дедовский. Он охотником был.

– Очень красивый. А ножны есть?

– Да. Вот там лежат, – Игорь кивнул на полку, на которой были свалены всякие инструменты. – Нравится? Бери.

– Да нет, что ты. Спасибо. Я же девочка, мне зачем. Зарежу еще кого, – весело сказала она. – Случайно, ха-ха.

Юля видела, что Игоря потряхивает от того, что они вместе, в пустой доме, в ситуации с непонятным продолжением. На этот раз она не собиралась его разочаровывать – он мог ей еще пригодиться.

Съев бутерброд и запив его чаем, она положила руку ему на плечо:

– Ты так и не будешь меня сегодня целовать?

Когда он уложил ее на скрипучую древнюю кровать, она не стала сопротивляться. Обняла его, прошептала:

– Осторожнее. Я… девочка.

Приподняла зад, помогая ему стянуть с себя джинсы, сама сняла свитер и футболку. Он на миг замер, любуясь незащищенной лифчиком грудью с темными овалами сосков.

– Какая ты красивая…

Глава 18. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

Юля пришла к директору за пять минут до назначенного времени. Открыла ей какая-то маленькая девочка. Посмотрела на нее без удивления, кивнула:

– Заходи. Ты же к папе?

– Почти, – ответила Юля. – К Лене. Ну и к… папе.

В коридор выскочила Лена:

– Привет. Заходи. Как раз вовремя. Сейчас чай будем пить.

Квартира директора была странной – вся завалена книгами. Юля осторожно протиснулась вслед за Леной на маленькую кухоньку, где уже сидел Владимир Николаевич.

– Ой, здрасти, – сказала Юля, удивившись виду директора. Он был в халате и шлепанцах на босу ногу.

– Привет, заходи, Юля. Чай покрепче?

– Обычный. Если можно.

Лена селя рядом, посмотрела на нее с непонятной иронией:

– Ну что, готова биться? Я папе рассказала, какая ты сильная.

Юля кивнула. Она была озадачена – нигде в квартире она не видела того комода, на котором должна была стоять шкатулка с Сейнару хосеки. Впрочем, он мог быть в спальне родителей – вероятно, дверь, находившаяся сразу направо от входа, вела туда.

Весело болтая, они попили чай с какими-то сладкими плюшками. Владимир Николаевич встал:

– Ну что, партию?

Шахматы были большими, резными – видимо, подарок. Юля уже была в курсе, что обычно выпускники в этой стране дарят директору и учителям дорогие подарки. Видимо, шахматы были из их числа. Непривычно красивыми, даже вычурными, были и шахматные часы – все в завитках и резьбе.

К миттельшпилю Юля поняла, что директор проигрывает. Понял и он – напрягся, нахмурился. Делать этого было нельзя – Юля сделала незначительный, но ведущий к серьезным осложнениям с хорошим противником ход.

Директор оказался противником хорошим – ее ошибку он увидел и грамотно ей воспользовался. Юля потеряла слона, две пешки, а затем ее короля загнали в угол.

– Сдаюсь. Вы мастер, – она шутливо подняла руки вверх.

– Еще партию?

Они играли в гостиной, загроможденной письменным столом и шкафами с книгами. Ей надо было осмотреться.

– Давайте. Только я выйду на минутку?

Лена встала было ее проводить, но Юля ее остановила:

– Да я знаю где, не ходи.

Юля вышла из гостиной, вежливо прикрыв за собой дверь.

Она не знала, где сидит сестра Лены – с тех пор, как она открыла дверь, ее не было видно. Но вряд ли она была в спальне родителей. Юля заглянула в детскую – так и есть, девочка лежала на кровати ногами к двери и что-то рисовала. Никакого комода в маленькой детской, как она и предполагала, не было.

Юля на цыпочках прокралась к дверям спальни, прислушалась. Лена с отцом о чем-то говорили. Она приоткрыла дверь спальни, заглянула внутрь. Комод был внутри. Но это был совсем не тот комод, и на нем ничего не стояло. Она вернулась в туалет, размышляя, как ей быть.

Вторую партию она выиграла – тоже сделав ошибку, и подведя директора почти к выигрышу. Однако постоянно проигрывать было нельзя – судя по всему, дело чересчур осложнилось, и ей придется посерьезнее познакомиться с этим человеком. И, наверное, поближе.

Несмотря на проигрыш, директор остался доволен. Он потрепал Юлю по голове, пожал руку и церемонно сказал:

– Достойный партнер. Приглашаю заходить почаще.

Когда Лена провожала ее, Юля решила рискнуть и спросить в лоб:

– Лена, а это же про тебя в прошлом году писали в «Пионерской правде»?

– Ну да. То есть это я писала. Про дедушку.

Юля на всякий случай сделала скорбное лицо.

– А где он? Умер?

– Что ты. Он нас всех переживет. Он не здесь живет. Он же важный, депутат Облисполкома. Он в «линии партии», у него там квартира.

– А, – Юля сделала безразличное лицо. – Ну ладно, пока. Спасибо тебе, мне очень понравилось.

Они обнялись. Лена шепнула ей на ухо:

– Ты хорошая. Приходи еще. И папе очень понравилась.

Глава 19. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

Юми не была большим мастером вскрытия машин – она знала людей, которые делали это буквально за секунды, независимо от модели. Однако в СССР любую машину можно было открыть проволочкой – настолько примитивными были замки.

Она подобрала неброскую коричневую «пятерку» – достаточно новую, чтобы не заглохнуть где-нибудь на полдороге. Машину Юми присмотрела заранее – та весь день стояла около какой-то конторы неподалеку от ее дома.

С замком зажигания было хуже – его завести проволочкой не удалось. Можно было соединить стартер напрямую с аккумулятором – но для этого нужно было поднимать капот, что усложняло дело. Поэтому Юми аккуратно перекусила провода зажигания маникюрными щипцами, ими же сняла изоляцию. Соединила провода – машина завелась сразу.

Бензина было полбака – для ее дел должно было хватить. Она отъехала пару кварталов, остановилась, не глуша мотор, и, глядя в зеркало, начала метаморфозы. Она и так выглядела лет на пятнадцать, а с хвостиками, перехваченными резинками, и в смешных очках ей можно было дать не больше двенадцати.

Оглядевшись, чтобы не было случайных прохожих, она прихватила резинками поддельные номера, нарисованные тушью на картоне. Минут через пять еды по грязным улицам их будет не отличить от настоящих.

Недалеко от поста ГАИ на Байкальском тракте она снизила скорость и включила аварийку. Наступал ответственный момент.

Торчащего на краю дороги гаишника она увидела издалека. Никаких машин около него не было. Где-то должен был быть еще один – но он, вероятно, сидел в будке. Гаишник внимательно посмотрел на ее машину, но не остановил. Остановилась она сама, проехав еще метров десять, чтобы уйти с прямой видимости из окна будки.

За спиной у гаишника висел автомат – АКСУ, как она могла заметить. Это могло сильно осложнить дело – такой громоздкий агрегат был ей совсем не нужен. Но переносить операцию ей не хотелось.

– Товарищ старшина, – позвала она сержанта, намеренно допустив ошибку в звании. Гаишник неохотно пошел в ее сторону. Подойдя к машине, он наклонился и изумленно расширил глаза – за рулем сидела совсем маленькая девочка.

– Вы… ты… чего? – сержант не нашелся сразу, что сказать. Она наклонилась, открыла пассажирскую дверь.

– Товарищ старшина, – на ее глазах появились слезы. – Помогите мне, пожалуйста.

– Ничего не понимаю, – милиционер нехотя снял автомат и сел рядом с ней, положив оружие на колени. – Что случилось? Ты почему…

Больше он не успел ничего сказать. Длинный нож для разделки мяса воткнулся ему прямо в сердце. Юми, не обращая внимания на агонию гаишника, перегнулась через его ноги и захлопнула дверь. Посмотрела в сторону будки. Там не было никаких движений. А главное – около будки не было милицейской машины. Погони можно было не ожидать.

Она не спеша отъехала, выключила аварийку. Скрылась за пределы видимости из будки и нажала газ. Доставать нож из тела она не стала – ей не улыбалось перемазаться кровью, Единственное, что она сделала – это бросила автомат на заднее сидение, чтобы его не было видно встречным машинам, и сняла с гаишника фуражку.

Сторожа в садоводстве по-прежнему не было видно. Ей вообще никто не встретился – ни по дороге, ни на дачах. Она правильно рассчитала время – в понедельник после обеда поздней осенью на дачах пусто.

Она закатила машину в гараж дачи, закрыла ворота. Зашла в дом, привела себя в нормальный вид. Потом вернулась в гараж.

Гаишник уже не дергался – пульса не было. Она тщательно обыскала его. Рация была включена, но молчала – значит, его еще не хватились. Она выключила рацию, подумала и бросила ее в школьный ранец. Рация была тяжелой, но могла пригодиться. Все служебные рации в СССР работали на фиксированных частотах, и это был отличный инструмент для прослушивания переговоров милиции. А еще было хорошо то, что в этой стране не было нормальных аккумуляторов, и все рации были на батарейках.

«Макаров» она забрала вместе с кобурой. В кобуре была запасная обойма – полезная предусмотрительность. Под бушлатом обнаружился жилет, в карманы которого были заткнуты еще два магазина для АКСУ. Теперь в ее распоряжении был целый арсенал. Вот как только везти автомат, было непонятно. Возиться с разборкой малознакомого оружия не хотелось.

Она пошарилась в кладовке и нашла отличную хозяйственную сумку. Автомат туда улегся, как будто она была для того и предназначена. На всякий случай Юля кинула сверху какую-то занавеску. Не забыла она и охотничий нож с ножнами – это была более серьезная вещь, чем кухонные ножи. Забрала у милиционера деньги. Подумав, взяла и удостоверение – оно могло пригодиться.

В целом весь груз составил килограммов двенадцать – и ей при этом нужно было изображать, что ей легко.

Она закрыла дверь дачи, погуляла вокруг, рассыпая еще вчера купленный красный перец. Довела перцовую дорожку до ворот садоводства. Все отпечатки пальцев были стерты заранее. Теперь, если Игорь снова не захочет поехать на дачу, милиционера и машину найдут в лучшем случае весной.

Она не спеша отправилась на остановку. Автобус должен был подойти минут через пятнадцать.

Глава 20. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

Что такое «линия партии», Юле рассказал Игорь. Это был большой дом в центре города, в форме дуги. Почему его так назвали, Юля не поняла.

В доме было пять подъездов и шесть этажей. Первый этаж был занят двумя большими магазинами. Юля походила вокруг дома, потом попробовала зайти в один из подъездов. Но не тут-то было.

За скромной стеклянной дверью в каморке сидел человек в форме. Дальнейший путь преграждала стальная решетка.

– Ты к кому, девочка? – строго спросил консьерж.

– К Сидоровым, – не растерявшись, ответила она.

– Тут такие не живут.

– Ой, извините, я, наверное, ошиблась, – она повернулась к дверям.

– И вообще в этом доме таких нет, – добавил консьерж, меряя ее подозрительным взглядом. – Нечего тут ходить, девочка. Тут особый дом.

Выждав два дня, она решила разведать обходной путь. «Линия партии» соединялась своим углом с обычным жилым домом – но была на этаж выше него. Попасть в жилой дом было проще простого – что она и сделала в десять часов вечера. Чердак одного из трех подъездов был не заперт. Она прислушалась к тому, что творится за дверями, выходящими на верхнюю площадку, быстро подтянулась и оказалась на чердаке.

Она была одета во все темное – специально купленный спортивный трикотаж, который хранила в съемной квартире. Несмотря на то, что внизу бурлила центральная улица города, на фоне темного неба ее никто не мог увидеть. Правда, через дорогу стояло огромное здание какой-то конторы – но свет в окнах там уже не горел.

Крыша была покатой, к вечеру приморозило. Она надела кеды, чтобы не греметь по крыше, но они все равно скользили. Она с трудом подошла к стене «Линии партии» и увидела, что наверх ведет лестница.

Мгновение – и она была наверху. Эта крыша была плоской. Прямо перед ней светилась яркими огнями какая-то реклама, которая хорошо освещала все вокруг – и ее саму тоже. Она пригнулась, обошла крышу по периметру. Отовсюду торчали куски арматуры, зацепиться было к чему. Путь был открыт.

Она посмотрела вниз. С фронтальной стороны дома был сквер, который мало освещался. Людей внизу не было. Она уже выяснила – спасибо Игорю – что милицейские патрули ходят пешком до полуночи, а потом ездят на машинах – но очень редко. С этой стороны особой опасности тоже быть не должно.

Она спустилась вниз, оттерла с одежды пыль чердака специально припасенной щеткой и пешком направилась домой.

Выяснить расположение квартиры было непросто. Спросить про нее у директора было бы странно, и вряд ли он сказал бы. Скорее она бы его насторожила, и это могло сорвать операцию. Оставалась только Лена. Но и для нее должен был быть придуман мотив – а, кроме того, это была страшнейшая засветка.

Ответ нашелся сам собой. В очередной визит к директору Юля увидела в прихожей лежащий на стиральной машине, выполняющей роль тумбочки, телефонный справочник. Она направлялась в туалет. Убедившись, что ее никто не видит, она быстро сунула книжку под мышку и уединилась с ней.

Красноштановых в справочнике было три страницы. Но на Карла Маркса, 20 жил только один – Красноштанов Н. А. Это была удача. На всякий случай Юля запомнила не только номер квартиры, но и телефон.

Наутро она еще раз прогулялась вдоль нужного дома. Номера квартир были написаны на дверях подъездов. Определить, как расположены квартиры в самом подъезде, можно было исходя из обычной логики: в СССР вся нумерация велась слева направо и по часовой стрелке.

Теперь надо было подумать об отступлении. Из своего богатого опыта она знала, что это зачастую труднее, чем само задание.

Глава 21. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск, улица Литвинова

– Что за бред? – генерал-майор недоуменно поднял взгляд на своего помощника. – Как пропал?

– Так пропал. Неделю не можем найти.

– Так. Давай подробнее. Пункт ГАИ на Байкальском тракте?

– Да.

– В 14 часов?

– Примерно.

– А напарник?

– Оформлял дела, в окно не смотрел. Никакого шума, никаких подозрительных машин не видел и не слышал. Хватился его где-то через час после того, как видел в окно последний раз. Вызывал по рации – не отвечает.

– И? – многозначительно поднял брови генерал.

– Ну понятно, испугался. Начал искать сам, по лесу. В батальон сообщил только к вечеру. Перед тем, как смену сдавать.

– Пробовали пеленговать рацию?

– Да. Ноль.

– Что у него было с собой?

– Макаров с запасной обоймой. АКСУ. Два запасных рожка к нему. Фонарь. Рация. Личные деньги. Документы. Жезл. Все.

– АКСУ? Вы охренели?

– Да. Накануне был объявлен план «Перехват», вы сами подписывали. Помните, подследственный сбежал из психушки. Поэтому всем постам были розданы автоматы.

– Женат?

– Да. Не ссорился. Ребенок… пацан. Любовницы нет… вроде. Дома отношения ровные. Не употребляет… почти.

Генерал достал платок, вытер внезапно выступивший пот.

– В главк, надеюсь, не сообщили?

– Нет.

– А смежникам?

– Тоже нет. Но они могли узнать сами.

– Могли, могли… Куда он мог деваться-то? Вокзал, аэропорт… хотя ты сам не маленький. Понятно, что все перекрыто.

Заместитель молчал.

– Ладно. Делать нечего. Иду к Буртовому, помощи просить. А ты давай по полной – ориентировку каждому ППС-нику, ОКО-шников привлеки, комсомол.

– В главке засветимся. Комсомол сразу стуканет в Москву.

– А ты не говори, что наш. Скажи, преступник в форме. Ну а потом – как уж успеем. Или найдем, или в главке узнают. Другого варианта у нас с тобой нет.

Заместитель вышел. Генерал мрачно посмотрел ему вслед.

– Ну бред… куда он с калашом-то подался?.. Дембель хренов.

Глава 22. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

Юля внезапно столкнулась с серьезной проблемой. Она не могла нигде найти никаких приспособлений для альпинизма. Даже веревка продавалась настолько дрянная, что могла просто не выдержать ее вес. А ей надо было на этой веревке серьезно поработать.

В туристическом клубе, который она нашла по тому же телефонному справочнику, веселый парень в свитере ей радостно сообщил, что прокат снаряжения есть, без всяких проблем. Но для этого их группа должна зарегистрировать маршрут и сдать зачет по технике безопасности.

Собственно, почти без всего снаряжения она могла обойтись – но веревка и хотя бы два карабина для торможения были нужны.

Как ни странно, помог Игорь. После поездки на дачу он совершенно изменился – стал заботливым и очень робким. Теперь они встречались, кроме школы, через день – если у Юли не было своих дел. Однако ничего особенного она ему больше не позволяла.

Во время вечернего гуляния она его спросила, нет ли в городе каких-нибудь секций альпинизма. Игорь насторожился, но она сказала, что этим интересуется Таня. Оказалось, что секций сразу три – в университете, политехническом институте и Академгородке. По словам Игоря, самой сильной считалась политеховская.

В политехническом институте она сначала заблудилась – несмотря на свой опыт. Однако тут было проще – она оделась под студентку и просто спросила у пробегающего мимо парня в спортивной форме, где здесь секция альпинизма. Тот махнул рукой куда-то вверх – и уже через пять минут она поняла, что попала куда надо.

В спортзале была установлена деревянная стенка с зацепами, натянуты веревки, и целая толпа народу лазала вверх и вниз. Немного оглядевшись, Юля увидела и саму каморку с громкой надписью «Альпклуб». К ее удивлению, внутри на нее даже не обратили внимания – она зашла с очень деловым видом, обошла весь клуб и поняла все, что ей надо.

Оставалось решить, как провернуть операцию. Очевидно, институт когда-то закрывался – но в восемь вечера, когда она заглянула на следующий день, жизнь еще бурлила, хотя и не так активно, как днем.

Можно было действовать в наглую – она видела, что снаряжение валялось практически без присмотра. Прийти днем, закинуть веревку и несколько карабинов в рюкзак и выйти обратно можно было без проблем. Но риск был – и она не хотела его допускать тогда, когда цель была так близка.

Во второй визит она не спеша прогулялась по этажам, нашла подходящее окно, потом вышла на улицу и осмотрела его снаружи. Все было готово. Замок на дверях, ведущих в спортзал и альпклуб, она уже изучила.

На следующий раз в политехнический институт она пришла со запасом – около семи вечера. Спряталась в кабинке грязного и вонючего туалета. Ждать она умела – просто расслаблялась, выключала мозг и впадала в состояние медитации. Правда, место было не совсем подходящим для такого занятия – но в ее жизни бывало и похуже.

За все три часа в туалет зашли только раз – и, судя по звукам, это была уборщица. Дождавшись нужного времени, она тихо вышла в коридор. Сама она была обута в мягкие кеды, так что ее шаги были почти не слышны. Опасность мог представлять охранник, который наверняка должен был с какой-то периодичностью проходить с проверкой. Но шаги в гулких коридорах были слышно издалека.

Кроме того, в предыдущий визит она выяснила, что институт не прекращает работать и ночью – круглосуточно функционировал вычислительный центр и некоторые лаборатории.

Это было и хорошо, и плохо – ее могли увидеть, но и она могла, в свою очередь, прикинуться сотрудницей вычислительного центра.

Двери в спортзал подались легко. Внутри была кромешная темнота. Она не стала включать фонарик – в огромные окна спортзала свет был бы виден снаружи. Сразу направо уходила лестница наверх, к дверям альпклуба. Там, в узком закутке, она уже безбоязненно включила фонарь и занялась вторыми дверями. С ними пришлось повозиться чуть дольше – замок был не так прост.

Выбор оказался большим, но прочную десятимиллиметровую веревку она не взяла. Веревка была тяжелой, рассчитанной на здоровых мужчин с рюкзаками. Она нашла две восьмимиллиметровые веревки, одну бросила в выбранный тут же рюкзак, вторую положила рядом.

Карабины висели длинными связками – она отстегнула с запасом, пять штук. С облегчением увидела шайбу Штихта – явно самодельную. С ней было проще – не надо было заморачиваться с ненадежным карабинным тормозом. Тут же висели и жумары – она тоже бросила один в рюкзак. Подумала, взял еще и обвязку из широкой капроновой ленты – лишний вес, но зато гораздо комфортнее, чем обвязываться веревкой. В последний момент увидела брезентовые верхонки – сначала не поняла, зачем они тут, но быстро сообразила и тоже положила в карман.

Дело было сделано. Она аккуратно закрыла замки на обеих дверях и осторожно спустилась на второй этаж. Можно было бы вылезти через окно и на первом этаже – но там рядом находился охранник, и в том же крыле был вычислительный центр. Открыла заранее присмотренное окно. Пропустила через батарею двойную веревку, надела верхонки и скользнула вниз.

Осмотрелась – никого. Сердце билось ровно, по телу разливался знакомый адреналиновый кайф. Она сняла рюкзак, потянула за один конец веревки. Уложила ее в рюкзак. И как ни в чем не бывало пошла к остановке, где зеленели огоньки такси.

Глава 23. 1978 год, где-то в СССР. Иркутск

Погода была просто отличной для ее мероприятия – ветер, снег, дождь. Николаю и Галине она сказала, что поехала на соревнования в Черемхово, и вернется завтра.

Она надела две пары трико – чтобы не мерзнуть. Футболку и тонкий свитер. Внутрь куртки, в районе живота, пришила карман наподобие кобуры – так было удобнее. Там же рядом разместился и нож, который она забрала на даче. С автоматом решила не возиться – такой громоздкий предмет ей только помешал бы, а устраивать серьезный бой в центре города она не собиралась.

Веревка, обвязка и альпинистские железки улеглись в рюкзак. На голову она надела черную шапочку, на руки – кожаные перчатки, и для тепла, и для того, чтобы не оставлять отпечатки. Верхонки были в кармане куртки, там же лежал большой, наточенный до бритвенной остроты, перочинный нож.

Очень не хватало машины – но она предпочла не воровать ее. Дополнительный риск был ни к чему. К тому же в случае успеха мероприятия она решила сразу не бросаться в бега – нужно было аккуратно зачистить все хвосты.

На место она прибыла заранее – добиралась на троллейбусе. Дошла до нужного подъезда, без проблем забралась на чердак. Выбрала уголок почище, и села ждать.

Начало операции она назначила на два часа ночи – даже завзятые полуночники к этому времени должны были лечь спать. Она сама уснуть не могла – ее слегка потряхивало от возбуждения, как это всегда бывало перед опасным делом. На чердаке было относительно тепло, она не мерзла.

За это время до нее донесся всего один странный звук – какое-то кряхтение. Дело было к полуночи. Она уже привыкла к темноте и видела хорошо. Квадрат света со стороны незакрытого люка вдруг потемнел, в проеме показалась чья-то голова. Лестницы на чердак в подъезде не было, она сама подтягивалась на руках. Для того, чтобы залезть в люк, нужно было быть или очень сильным, или очень ловким. Или подставить что-нибудь под ноги.

Юми тихонько высвободила нож. Кто бы это ни был, он мог помешать операции. А, значит, судьба у этого человека была только одна.

Пыхтя и чертыхаясь, на чердак заполз какой-то мужчина. Юми показалось, что он большой и лохматый, как медведь. Она не стала ничего предпринимать, ожидая, что будет дальше.

Мужчина, наконец, забрался и, продолжая что-то бубнить, пошел в дальний от нее угол. До нее донесся специфический сладковатый запах немытого тела. «Бомж», поняла она. Мужик улегся в углу, еще немного побормотал и громко захрапел.

«Оно и к лучшему», – подумала она по-русски. Возвращаться этой дорогой она не собиралась, а лишний труп был сейчас ни к чему.

Ровно в два часа она поднялась, тихо выскользнула в открытое слуховое окно. Снег уже не таял, крыша была покрыта толстой коркой льда. Юми добралась до конька и пошла боком, держась за него.

Вот и лестница. Она быстро поднялась по ней, дошла до дальнего края крыши второго дома и отсчитала от края двадцать два шага. Она должна была находиться точно над нужным окном.

Торчащая из крыши арматурина находилась в метре левее. Это было даже лучше – она будет спускаться чуть сбоку от окна, и ее не увидят на верхнем этаже.

Юми достала свернутую вдвое веревку, перекинула ее через арматуру. Подергала – держит хорошо. Второй конец завязала петлей, чтобы он не достал до земли, и бросила вниз. Вряд ли висящий на высоте десятка метров конец веревки увидит случайный прохожий – у большинства людей удивительная способность не смотреть вверх.

Юми осмотрела улицу и сквер внизу. Там не было ни души. Пора.

Шайба Штихта была рассчитана на десятимиллиметровую веревку и скользила слишком свободно. Она быстро спустилась мимо окна верхнего этажа, упираясь ногами в стену. Вот и нужное ей окно.

К ее удаче, форточка была приоткрыта. Иначе ей пришлось бы вырезать кусок стекла – а на высоте и под сильным ветром это была сложная операция. К тому же стеклорезы в этой стране были очень плохо качества – из купленного десятка она отобрала только три, и все три все равно были никуда не годными.

Шайба Штихта была с фиксаторами. Это позволяло закрепить веревку и освободить обе руки. В принципе она пролезла бы и в форточку, если без рюкзака, но ей нужно было потом еще как-то уйти отсюда. И может быть, быстро.

Юми достала мягкую проволоку, засунула ее в форточку. Со второй попытки нашарила нижнюю защелку на окне, потянула ее. Верхняя защелка оказалась в пределах досягаемости руки. Окно легко распахнулось – к счастью, здесь были одинарные рамы.

Она расстегнула куртку до середины, чтобы было проще дотянуться до оружия. Встала на подоконник, отцепила веревку, затянула ее внутрь. Карабины едва слышно звякнули. Она легко спрыгнула на пол, замерла. В квартире было тихо. Она оказалась в кухне, как и рассчитывала, разглядывая окна в бинокль с чердака противоположного дома.

Она прикрыла окно, насколько позволяла тянущаяся вверх веревка. Был риск, что створку с грохотом распахнет ветер – Юми поискала глазами, но ничего подходящего не нашла, чем можно было бы ее подпереть. Пришлось рисковать. Обвязку она оставила на себе, карабины тихо, чтобы не брякнуть, положила на подоконник.

Осторожно дошла до гостиной. Направо была дверь в коридор – она была открыта. Налево уходили две двери – видимо, в спальни. Стоя у стены, она внимательно осмотрела комнату – комода не было.

Нужно было искать в спальнях, но там могли быть люди. Она еще раз проверила, насколько легко вынимаются нож и пистолет. Патрон был в стволе, предохранитель снят, курок взведен. Для выстрела ей хватило бы пары секунд.

Она бесшумно прошла через гостиную и заглянула в одну из спален. В свете уличных фонарей рассмотрела шкаф, узкую пустую кровать, полку с книгами, стол. Комода не было.

Сзади что-то щелкнуло, вспыхнул свет, громкий голос произнес:

– Кто здесь?

Юми сделала шаг вбок и назад, прищурив глаза, чтобы не получить шок от яркого света. У входа во вторую спальню стоял огромных размеров мужик в трусах и майке, и тоже щурился от света. В руках у него подрагивал направленный в ее сторону пистолет.

Увидев Юми, он вздрогнул, сделал шаг ей навстречу и снова сказал:

– Ты кто?

Юми сообразила, что выстрел моментально услышат консьерж и соседи. Милиция будет минут через десять после первого звонка – дом-то престижный. Как можно более детским голосом она пролепетала:

– Дяденька, не стреляйте.

На лице мужика появилось выражение полного недоумения. Этой задержки хватило, чтобы Юми распласталась по полу, крутанулась вокруг поставленной на пол руки и достала ногами до его ног. Зацепив одной ногой его лодыжку, второй она со всей силы ударила в пах. Одновременно с этим она выхватила нож.

Мужик рухнул на спину. Грохнул выстрел. Из спальни раздался женский визг. Продолжая движение, Юми воткнула нож в сердце мужику, тут же выдернула его и ворвалась в спальню.

Там светил ночник на тумбочке, благодаря этому она что-то видела после яркого света гостиной. На широкой кровати, прижавшись спиной к стене, стояла и визжала молодая и совершенно голая блондинка с длинными волосами.

Увидев Юми, она растерянно замолчала. Юми прыгнула, левой рукой ухватила девушку за горло, а правой вонзила ей нож под ребра. Девушка захрипела и сползла вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.